

При слове «компенсация» в поросячьих глазках дяди Вернона загорается алчный огонек. Я хмыкаю про себя. Что ж, теперь ясно, что привело моего дядю в палату к горячо нелюбимому племяннику: жажда наживы. Мне почти жаль его разочаровывать...

– К сожалению, ничем не могу помочь, – я вежливо улыбаюсь и, несмотря на боль, развожу руками. Мистер Эдкинс уже собирается что-то возразить, и я быстро добавляю. – С поиском виновных, я имею в виду. Потому что в происшедшем виноваты прежде всего мы сами. Мы нарушили комендантский час, хотя это было строго запрещено, и вышли из лагеря в одиночку, что также противоречит правилам. Персонал школы просто не успел ничего предпринять...

– Не слушайте его, – быстро перебивает меня дядя Вернон, показывая мне исподтишка кулак. – Мальчик болен, он сейчас просто не в состоянии нормально мыслить... Он обычно очень настороженно относится к малознакомым людям, поэтому, может быть, будет лучше, если мы с Петуньей сами, в семейной обстановке, так сказать, все у него выясним. Не хотелось бы подвергать его еще большим травмам, он и так слишком многое перенес...

От ухищрений дяди мои губы сами по себе начинают кривиться, и я поспешно беру с тумбочки стакан воды, чтобы скрыть за ним свою ухмылку.

– Уверяю вас, судя по показаниям наших приборов, ваш племянник сейчас в нормальном состоянии, – при слове «нормальный» по отношению ко мне уже сам дядя не может удержаться от фырканья. Медсестра игнорирует его реакцию и продолжает. – И он может вполне адекватно рассказать обо всем этим людям.

Дядя недовольно замолкает, его взгляд выражает смертельную обиду. Тетя успокаивающе накрывает его сжатую в кулак руку своей.

После секундного молчания мистер Эдкинс говорит:

– Ну что ж, если ни у кого больше нет никаких возражений, прошу, мистер Поттер, продолжайте.

Судя по всему, у дяди есть еще не один десяток возражений, но он молчит. Я продолжаю рассказывать:

– Итак, как я уже сказал, в том, что мы потерялись, никто, в сущности, не виноват. Мы выбрались ночью в лес, заплутали, и не смогли обнаружить в темноте дорогу...

Мой рассказ занимает минут десять. По ходу повествования я замалчиваю все, имеющее отношение к магии, а также не упоминаю о Силенси. В остальном стараюсь придерживаться сухих фактов, чтобы не вызвать подозрений. В конце концов, если эти люди уже слышали версии происшедшего от пяти человек, то для меня же будет лучше, если моя собственная история будет походить на те, что они уже слышали.

Когда я заканчиваю рассказ, у меня начинают выяснять подробности нападения оборотня.

- Так что же за животное на вас напало? - спрашивает Эдкинс.

- Волк, - вру я, не моргнув глазом.

- Вы в этом точно уверены?

- Без сомнения.

- Ну что ж, так и запишем, - говорит он. - А то ваши товарищи описывают бог весть что. Тот парень, Дерек Брайтон, вообще утверждал, что на вас напал оборотень, - он хмыкает. - Что поделаешь, у страха глаза велики.

- Ну что вы, я абсолютно уверен, что это был именно волк. В отличие от моих товарищей, у меня была отличная возможность увидеть его вблизи.

От последнего замечания полицейский мигом перестает посмеиваться и начинает излишне усердно записывать что-то в блокнот. Кончики его оттопыренных в стороны ушей чуть розовеют.

- Итак, большое спасибо за помощь, - женщина поднимается со стула, и Эдкинс тут же подскакивает следом. - Не будем вам мешать. Наверное, вам не терпится побыть в семейном кругу.

Когда они выходят за дверь, медсестра добавляет что-то в одну из моих капельниц и говорит Дурслям:

- Можете пообщаться еще немного. Но мальчику сейчас лучше не переутомляться.

Стоит медсестре выйти за дверь, как дядя начинает орать на меня, брызжа слюной:

- Какого черта ты им наговорил, мальчишка? Ты хоть понимаешь, что только что сделал?!

- Разумеется, - спокойно отвечаю я. - Только что я помешал доблестным стражам порядка свалить мою собственную вину на других.

- Ты лишил нас компенсации, щенок!

- Ну, это, пожалуй, можно назвать одним из последствий... - глубокомысленно изрекаю я.

Глаза дяди Вернона становятся совсем уж безумными, он бросается на меня с кулаками, но его останавливает тетя Петунья.

– Успокойся, Вернон! – возмущенно восклицает она. – Поттер болен! К тому же, не забывай: он спас нашему сыну жизнь!

– Как же, – бурчит дядя Вернон. – Небось нечаянно свалился на этого волка с дерева, а теперь расписывает здесь черт знает что. Ему лишь бы выпендриться!

– А где Дадли? – я спешу сменить тему разговора.

– Он тоже в больнице, в другом отделении, – милостиво информирует меня тетя. – Мы хотели забрать его домой, но врачи пока не разрешают. Бедный Дадлик, тут такое ужасное питание!

Мне ничего не остается, кроме как мученически закатить глаза.

Уже наступает осень, когда меня выписывают из больницы. Машина дяди быстро едет в сторону Литтл Уингинга, по стеклам барабанил крупные капли дождя. В салоне висит напряженное молчание: дядя недовольно сопит, время от времени бросая на меня яростные взгляды через зеркало заднего вида. Очевидно, он до сих пор не может простить мне упущенной компенсации. Встретив меня на пороге больницы, он сказал лишь, что тетя с кузеном остались дожидаться нашего возвращения дома, а потом как воды в рот набрал. Я отворачиваюсь к окну, пытаюсь развлечься созерцанием серого пейзажа.

Все мои раны затянулись, бинты сняты, и меня можно считать абсолютно здоровым. Я усмехаюсь, вспоминая лицо медсестры, когда она слой за слоем разматывала бинты. Она с жалостью смотрела на длинные красные рубцы и бормотала что-то насчет того, что «шрамы только украшают мужчин» и что они не будут меня беспокоить, разве что к перемене погоды. Похоже, она приняла мой равнодушный взгляд за признак шока. Но мне и правда все равно. Эти шрамы не лучше и не хуже тех, что покрывали мое тело тогда, в «прошлой» жизни. Это просто часть меня, неотъемлемая и настолько обыкновенная, что даже не стоит внимания. Куда страшнее обычно душевные раны. Но мое приключение закончилось вполне благополучно, и, пожалуй, мне не в чем себя винить. Разве что в том, что из-за меня окружающие вновь оказались втянуты в неприятности, но это не ново, ведь так? По крайней мере, мне удалось исправить последствия своей невнимательности с наименьшими потерями.

Когда мы добираемся до дома номер четыре по Тисовой улице, я выхожу из машины и с удовольствием разминаю затекшие мышцы. Вдыхая свежий воздух с запахом осени полной грудью и глядя на такой знакомый двухэтажный дом, я чувствую непонятное тепло в груди. Ну все, совсем свихнулся в этой идиотской больнице. Уже радуюсь возвращению на Тисовую.

Едва зайдя в прихожую, я улавливаю восхитительный аромат курицы с яблоками – коронного блюда тети Петуньи. Сама тетя смотрит на меня каким-то странным, очень внимательным

взглядом. Я спиной чувствую, как она провожает глазами каждое мое движение, и от этого становится неуютно. Я ловлю себя на мысли, что не знаю, чего мне ожидать от своих родственников.

Мы рассаживаемся за празднично украшенным столом. Дядя тут же утыкается взглядом в тарелку, ни на кого не глядя. Тетя продолжает сверлить меня все тем же странным взглядом. Дадли молчит, поедая обед без своего обычного аппетита. Я с некоторым чувством вины отмечаю, как он побледнел и осунулся за эти недели. Под глазами кузена залегли темные тени. Он явно неважно спит в последнее время. Похоже, наше приключение не прошло для Дадли даром.

- Что отмечаем? - спрашиваю я просто для того, чтобы прервать молчание.

Мой невинный вопрос вызывает презрительное фырканье со стороны дяди. Дадли молчит, еще ниже склоняясь над тарелкой. Да что здесь, черт побери, происходит?

- Твое выздоровление, - отвечает тетя нейтральным голосом.

- А. Ну спасибо, - растерянно отзываюсь я.

После этого никто не произносит ни слова.

Сразу же после обеда я иду в свой чулан, от которого уже успел несколько отвыкнуть. Однако открыв дверь, я пораженно замираю. Где моя кровать? Где настольная лампа в сорок ватт? Где, черт возьми, книжные полки? Вместо этого в чулане громоздятся чистящие средства, швабра для мытья пола, пластиковые ведра, пылесос и стиральная машина. Самый что ни на есть обыкновенный чулан, какой можно встретить в любом среднестатистическом английском коттедже. И ничто не говорит о том, что я жил в этом чулане вот уже семь с лишним лет.

- Почему все мои вещи выбросили? Вы что, не думали, что я вернусь из больницы? - брякаю я первую пришедшую в голову мысль выходящему из кухни дяде.

- Была б моя воля, так бы оно и было! - недовольно бурчит дядя. К счастью, судя по его обиженному тону, его волю как раз-таки не учли.

- Тогда где мне жить? Здесь, между шваброй и пылесосом? А может, вообще во дворе?

- Не дерзи, мальчишка! - рявкает дядя. - Петунья почему-то решила, что будет лучше, если ты займешь вторую спальню Дадли, - он поджимает губы и обиженно сопит. - Так что все твоё барахло теперь там.

С этими словами дядя удаляется в сторону гостиной, громко топая и что-то ворча. Я пожимаю плечами и иду во вторую спальню Дадли. С каждой минутой моего пребывания на Тисовой

количество вопросов лишь увеличивается, а давать ответы мне, судя по всему, никто не собирается.

Пока я бесцельно брожу по своей новой комнате, свыкаясь с непривычной обстановкой и пытаюсь найти среди общего хлама те вещи, которые перенесли из моего чулана, дверь медленно, словно неохотно, отворяется. На пороге стоит этот новый, осунувшийся и неразговорчивый Дадли. Я разглядываю чуть склоненную вперед голову и упрямый взгляд и испытываю неприятное чувство, будто вижу незнакомца.

- Мама сказала, чтобы я отдал эту комнату тебе, - безразлично говорит Дадли.

Я осторожно киваю, не зная, что на это ответить.

- Они с папой сильно поссорились из-за этого, - внезапно добавляет он. - Папа не хотел, чтобы ты занимал мою комнату, но мама все-таки настояла. Теперь они не разговаривают.

Мне становится неловко, словно это я виноват в том, что дядя с тетей поссорились.

- О. Мне жаль.

Дадли кивает, глядя на меня все тем же упрямым взглядом.

- Мама кричала, что если бы не ты, я мог бы быть уже мертв. А папа говорит, что если бы не ты, мы вообще не потерялись бы, - он пожимает плечами и добавляет. - Вообще-то, они оба правы.

В комнате повисает тягостное молчание.

- Ты злишься на меня? - осторожно спрашиваю я.

- Не знаю. Наверное, должен бы. Ты занял мою комнату. И из-за тебя поругались родители, а я не люблю, когда они ругаются. Но я не понимаю, - он садится на кровать и обхватывает голову руками. - Не понимаю, почему ты меня спас?

<http://tl.rulate.ru/book/36380/788427>